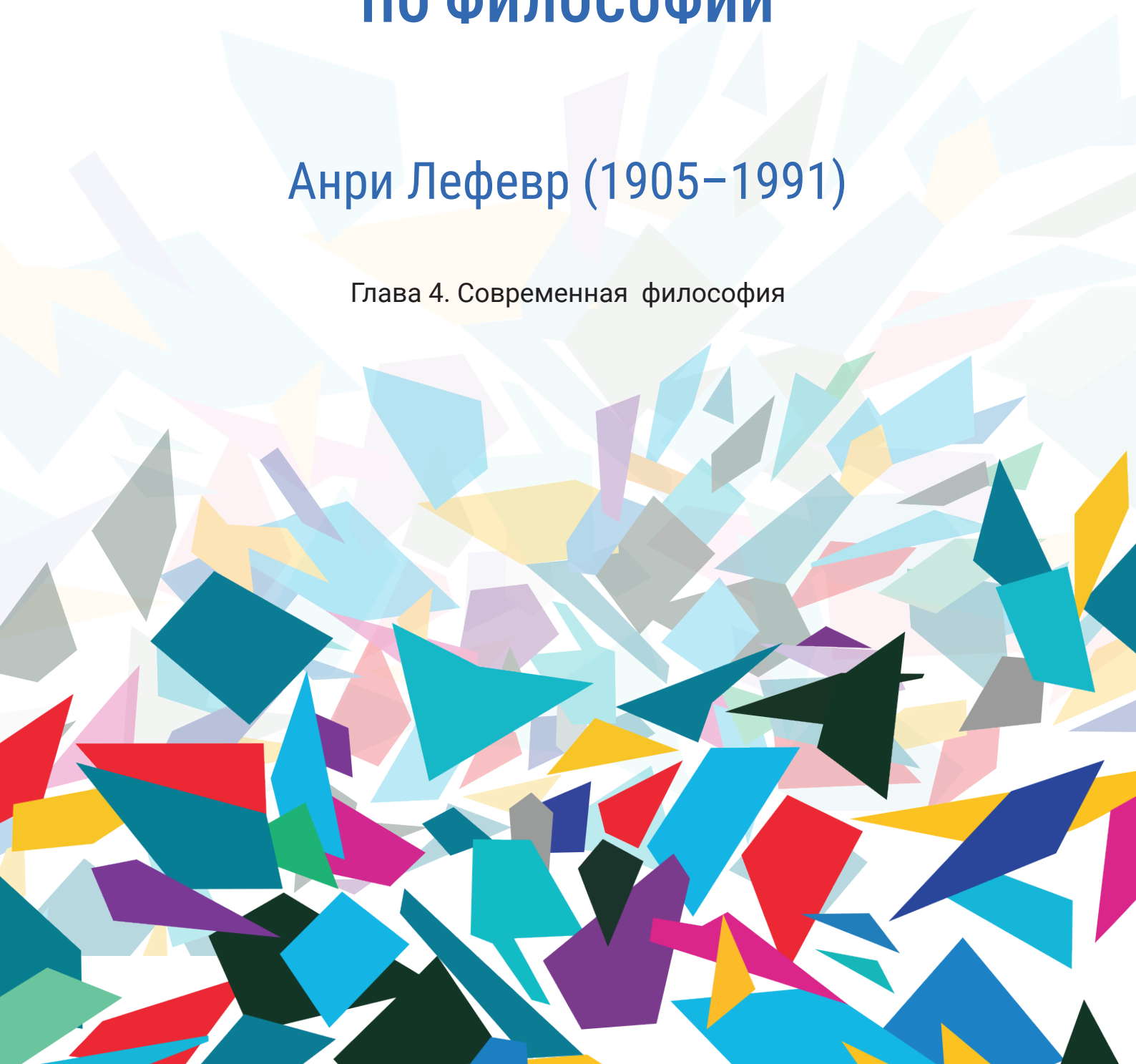

25 КЛЮЧЕВЫХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

Анри Лефевр (1905–1991)

Глава 4. Современная философия

«Сумма и остаток» (1959)

Впервые появившаяся в 1959 году книга «Сумма и остаток» до сих пор остается самым оригинальным произведением самого значительного из марксистских философов XX века и одновременно одной из самых удивительных книг по философии. Это не книга по философии в привычном смысле этого понятия, отмечает Хесс. В произведении объемом в 780 страниц можно найти личные воспоминания, портреты, стихи, исторические и политические исследования, литературные и философские очерки. Короче говоря, автор поместил в свою книгу все то, что хотел выразить за долгие годы своей жизни.

Ровесник века Анри Лефевр был одним из самых первых, кто перевел и популяризировал Гегеля и особенно Маркса. С 1924 по 1959 год он публикует 25 трудов. Что я знаю о марксизме в 1947 году, постоянно переиздается, и общий тираж превысил 400 000 экземпляров). Центральное место в нем занимает подача марксизма. Если Лефевр смог сойти за «официального философа» Французской коммунистической партии на следующий день после второй мировой войны, то в своей повседневной философской работе он однозначно отрекается от сталинского стиля, бывшего в то время в моде. Лефевр далеко не комфортно чувствовал себя в партии. Он проявляет интерес к неортодоксальным темам. Например, в 1947 году он издает «Критику повседневной жизни», которая пришлась не по вкусу тем, кто считает, что марксизм – это начетничество того, что сделал Маркс.

В Марксе Лефевр видит прежде всего изобретателя такого метода анализа, который можно использовать для рассмотрения актуальных проблем. Осмыслить современный мир – вот его основная задача. Так одной из центральных проблем 1950-х годов является сам марксизм, который учредился и стал терять свою строгость. Появление в 1956 году доклада Хрущева о перегибах сталинизма не дает оснований для самокритики Французской коммунистической партии. Совсем наоборот, она отказывается от чтения этого доклада и утверждает, что это ложь, распространяемая американскими секретными службами. Лефевр прочитал его в Берлине. В результате конфликта с руководителями его исключают из партии. Тогда Лефевр отходит от партии и пишет «Сумму и остаток», которая претендует быть очень личным итогом его философского и политического пути. Пересмотрев все значительные этапы своей жизни, он понимает, насколько партия мешала ему мыслить.

Приверженцы «официального» марксизма подвергли эту книгу резкой критике сразу после ее появления, назвав «результатом антикоммунизма». Другая критика высоко отозвалась об этой работе, наградив ее эпитетом «непревзойденная».

Сегодня крах коммунизма заставляет официальных марксистов сделать переоценку значимости этой книги, отмечает Хесс. По случаю коллоквиума, состоявшегося в июне 1994 года в Сен-Дени, Люсьен Сэв лично высказал свое сожаление по поводу того, что несправедливо критиковал эту работу и ее автора.

По мнению Хесса, для нас эта книга предстает как образец написанной с большой точностью философской автобиографии, автор которой делает попытку постичь универсальное через исключительную частность отдельной жизни. Книга указывает путь к философскому труду, одновременно сочетающему личную жизнь и общественную историю.

Кризис философа

Лефевр вписывает свой замысел в размышления о кризисе философии. Если в прошлом эта отрасль знания обладала величию, то сейчас она сведена до положения прислуги. Автор считает, что философию подстерегают две опасности: догматизм и несостоятельность. Каково место философии? Имеет ли она основания претендовать на главенствующую роль среди наук? Независима ли она от власти? Какие типы отношений философия может поддерживать с другими общественными науками?

В этой части Лефевр рассматривает трудности, с которыми сталкивается философская деятельность. Он последовательно анализирует важные вопросы, на которые марксистская

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 24. Анри Лефевр (1905–1991)

философия (это «опережение философии») не дала ответы: догматизм, диалектика, уступка, праксис. Через рассуждения о феноменологии он приходит к выводу о кризисе философии.

Свидетель

Лефевр собирается обосновать свое намерение описать ту трудную ситуацию, в которой он оказался – разрыв между философией и политическим марксизмом, – констатируя тот факт, что наш мир характеризуется расцветом субъективности. Достоверность предписывает «говорить все, чтобы все было сказано». В то время как некоторые цивилизации хранят молчание, даже о самом главном, у нашей есть программа: сказать все. И Лефевр делает попытку рассказать об определенном периоде своей деятельности и своей жизни. Он вырабатывает понятие ответственности. Сталкиваясь с отсутствием программы левых сил, он констатирует, что марксистской философии не удалось реализовать свою волю по изменению действительности.

Философская жизнь

В третьей части Лефевр разрабатывает теорию моментов. Проведя ее синтез, он возвращается к ней в пятой части. Реми Хесс в главе посвященной этому автору подробно представил ее, ибо, по его мнению, это один из основных вкладов Анри Лефевра в философию. Понятие «момент» вписано и прочно закреплено в его мысли, отмечает Хесс.

Маршрут

В этой части Лефевр рассказывает о своем философском образовании. Он упоминает встречу с Морисом Блонделем, христианским философом диссидентской окраски, курсы которого он посещал в Экс-ан-Прованс, здесь же рассказывается о трудных отношениях с Леоном Брюнsvиком, с которым Лефевр собирался писать диссертацию о Гегеле. Он также описывает свои отношения с Прустом, Бергсоном и Жидом.

После обучения Лефевр приступает к рассмотрению первых вопросов, которые ставит перед собой: человеческое благо, человеческое приключение. Он рассказывает о своем переводе Шеллинга, затем о своем решении примкнуть к марксизму и об учреждении Марксистского журнала.

Лефевр делится своим первым опытом преподавателя философии и оценивает первые философские сочинения: Мистифицированное сознание, Ницше, Декарт, Экзистенциализм, Паскаль. Автор рассуждает о популяризации, догматизме, социологии.

Опись

Пятая часть более концептуальна. В ней Лефевр размышляет о понятии «весь человек», о критике повседневной жизни, об образах и концептах. Она заканчивается возвратом к «теории моментов»,

Кто такой философ?

Шестая, и последняя, часть содержит размышления об иронии, предусмотренном и непредусмотренном отношениях между философией и политикой, о коммунизме, сегодняшней философии, марксизме, социологии, материализме, парадоксе, конце идеологий, необходимом и излишнем, о кибернетике. Книга заканчивается двумя поэтическими эпилогами.

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 24. Анри Лефевр (1905–1991)

Комментарий

Эта книга Лефевра представляет многочисленные философские концепции, которые являются размышлениями об уже законченных или только планируемых работах. «Сумма и остаток» знаменует собой поворот в творчестве философа, пишет Хесс. После этой книги Лефевр оставляет философию и больший упор делает на социологию (с 1959 по 1991 год автор опубликовал 35 новых работ, два десятка из которых скорее социологического, нежели философского плана). Следовательно, эта книга является как бы итогом, но одновременно и программой для современной философии. В ней выделены основные ориентиры для осмысления будущего.

По мнению Хесса, три положения книги особенно важны: «теория моментов», размышления о «философской автобиографии» и «регрессивно-прогрессивный метод».

Теория моментов

Лефевр объясняет, как у него возникло это понятие при размышлении о времени: «Время и его глубина, казалось мне тогда (в 1920 году), не исчерпываются понятиями эволюции, развития, распада, смены, роста или потери и удаления от первоначального. У меня сложилось мнение, что время и временность характеризуются также скрученностью. Иными словами, продолжительность недостаточно определить лишь как линейность или как последовательность отрезков, ей присущи также формы завитков или спиралей, как потоку воздуха в вихре (метафоры лишь приблизительно отражают действительность). Поэтому в каждом индивидуальном или социальном сознании будут формироваться внутренние продолжительности на время определенного отрезка времени, которые остаются в движении и не размещаются вне времени: это и есть моменты».

Лефевр продолжает: «Следовательно, эти моменты должны, по моему мнению, рассматриваться как существенные или содержательные, хотя они не поддаются определению по классической модели сущности (бытия). Они представлялись мне не событиями и не действиями внутреннего (субъективного) содержания, а специфическими модусами коммуникации, передаваемыми и передающими, если можно так сказать, модальностями присутствия. (Я не сказал бы о категориях существования или экзистенциальных. Я не использовал этот словарь; и тем не менее речь шла примерно об этом, каждый момент, по-моему, не был обязан узаконивать себя и устанавливать свою подлинность, основываясь на самом себе и своем существовании, причем факт и значение совпадают). Так можно говорить о моменте созерцания, моменте борьбы, моменте любви, моменте игры или отдыха, моменте поэтического вдохновения или искусства и т. д. Каждый из них обладает существенными свойствами и, в частности, таким, с которым сознание могло бы отождествляться и остаться в нем связанным абсолютной «сущностью»; тогда свободное действие определяется свойством отделяться, менять «момент» в метаморфозе и, может быть, создавать его. Так момент любви или же игры, который может завладеть сознанием, заключает последнее в промежуточный итог, но сознание, чтобы им завладели, должно не противиться этому действию или хотеть его. Однако ни один из этих моментов, ни одна из способностей субъективности не смогут закрыться полностью. Все промежуточные итоги я рассматриваю как точки зрения, отражающие общий итог».

Для Лефевра общий итог определяется как итог моментов. Речь идет о том, чтобы построить «философское теоретическое обоснование присутствия, отбрасывающее абсолют единой модальности и отсутствие в бесформенную массу мгновений продолжительности». Эта теория, немного сложная с первого взгляда, довольно быстро становится понятной. Она основывается на гипотезе нелинейности времени. В ней ставится проблема устойчивости становления: «Каким образом можно обрести относительную устойчивость в становлении (поток Гераклита), когда существа сохраняются в нем и сохраняют в себе свое собственное становление?». Задавая себе этот вопрос, Лефевр также делает попытку увидеть в праксисе «средство для человека (человеческого вида) сохраниться, сохранить в себе себе становление, создать устойчивый мир

и создать себя на пути упорядоченного развития, несмотря на многочисленные препятствия на его пути», что приводит его крещению временно отложить в сторону проблематику моментов.

Итак, этот уровень праксиса является прямым наследником ситуаций. Вернувшись назад, мы можем сказать, что момент черпает свою суть в ситуациях, перевоплощается в них. Понятия «момента» и «праксиса» дополняют друг друга, стыкуются. Лефевр поясняет свое умозаключение, выделяя «момент прекрасного»: «Разве не является созидательная деятельность искусства (произведений) тем «моментом», который пытается сквозь время, из поколения в поколение, исторически и в каждом художнике определить себя, удержаться, сохранить в себе итог своего собственного становления и его условий, и превосходя их уже тем, что сохраняет их и содержит? Разве этот момент не пытается таким образом создать прочное и глубокое «произведение», в котором это движение определяется, закрывается и открывается в общем итоге мира? Такой момент был бы моментом прекрасного, или, скорее, моментом прекрасного произведения».

Затем он рассматривает момент решения: «Что касается этики, то разве мы не можем определить ее как момент решения, как дело, рассматриваемое судьей, который сам никогда не в состоянии целиком отвечать за себя, узаконить свой приговор, оправдать свои решения и заставить выполнить постановления, но который требует, чтобы в этот момент факт и право, действительное и значение совпадали? Который в этом смысле произносит обвинительную речь на суде?»

Лефевр продолжает: «Если бы я пошел дальше, то скорее всего определил бы этот момент как явку в суд, нежели правосудие. Это действие или событие, как вам будет угодно, открывает процесс или судебное заседание; тем самым судья, в сознании или в обществе, становится таковым; он становится судьей, как только получает полномочие вызвать на суд действие, событие, чувство, мысль или лицо, которым инкриминируется проступок и которые предполагаются невиновными или виновными. От явки в суд до вынесения приговора процесс разворачивается согласно ритуалу, примененному к сознанию, примерно соответствуя тому, который разворачивается в обществе (и наоборот). Это полномочие, этот момент определяются медленно в ходе социальной или индивидуальной истории, вбирая свои элементы со всех сторон: в морали и в общественных учреждениях, в законах официальных и неписаных, в произведениях искусства и в практике. Стремясь к абсолютному, он никогда не достигает его; приговору также никогда не удастся ни полностью оправдаться, ни полностью навязать себя».

Отдельную главу Лефевр посвящает «философскому моменту». Что делать с философией? Такой вопрос он ставит перед собой. Существует ли особенность философской деятельности, которая делает ее «моментом»? Чтобы ответить на эти вопросы, автор размышляет о том, как он сам пришел в философию. Спрашивая себя о биографии ребенка, ученика, он обнаруживает «моменты», которые сыграли свою роль (болезнь, война, планы семьи, например) в его карьере философа, а не математика (сначала он хотел стать морским инженером). Это умозаключение приводит Лефевра к сопоставлению своего размышления о моментах с автобиографическим исследованием и его значением, чтобы осмыслить становление предмета, групп и общества. Чуть ниже мы вернемся к этой теме.

Играет ли призвание какую-то роль в становлении человека как философа? Может, это игра случая, когда человек становится философом? Идея призвания предполагает, что есть «чистый философский момент». Лефевр усматривает опасность в мысли «чистого момента», из него можно сделать абсолют. Итак, преобразовать момент в абсолют – это опасно. В результате этого мы становимся отчужденными. В пятой части где речь идет о теории моментов Лефевр приводит в качестве примера такого отчуждения момент игры. Изначально игра – это момент, но когда игрок излишне отдается ей, когда он продает все, что имеет, лишь бы играть, это становится отчуждением: «Так как игра является моментом, она готовит нам западню. Я становлюсь игроком. Это что-то предполагает: бездну, возможное головокружение. В моменте игры есть абсолют; и этот абсолют, как любая действительность или момент, доведенный до абсолютного, представляет собой специфическое отчуждение».

В главе 7 третьей части («Еще раз о моментах: любовь, мечта, игра») Лефевр наглядно показывает напряжение, которое действует во время создания момента. Он берет пример любви, с которым экспериментировал: «Я не буду писать, вздыхая: любовь – это страсть; не

буду также опускать глаза: любовь – это удовольствие; поднимать взгляд к небу: любовь – это радость; не буду краснеть: любовь – это безумие. Я скажу просто: любовь – это момент.

Под этими словами я, прежде всего, понимаю постоянное искушение абсолюта. Любовь стремится к абсолюту; в противном случае она не существует. И тем не менее абсолюта невозможен, невыносим, непригоден, абсурден. Рядом с ним бродит безумие: отчуждение в страсти, отчуждение одиночества или отказ от всего того, что не относится к нему или к ней. Он захватывает вас, хитрит с вами, чтобы завладеть. И вы хитрите с ним, чтобы снова овладеть собой. Этот момент входит не по мановению волшебной палочки в историю вашей жизни. Он предлагает себя, зреет с вашей помощью или без нее. Он строит себя, собирая свои элементы и материал, где только может: в удовольствии и страдании, в дружбе и одиночестве, в жизни в семейной группе и в жизни вне группы.

Отчасти случайно развивается крона дерева, которую этот огонь вот-вот охватит и поглотит. Он берет свои элементы и материал, меняет их, присваивает себе. У него свои требования, воспоминания, память, периоды присутствия и отсутствия, свои приступы и спады, свое безумие и свое здоровье. Он колеблется между невозможным абсолютом и внедрением в повседневность, которое делает его невозможным. Это момент, не лишенный противоречий ни с собой, ни со всем остальным.

Одно из противоречий, первое, которое я тяжело пережил и которое не кажется мне личным, а имеет общий смысл (философский?) – это трудность принять перед женщиной образ одновременно эротический и этический. Оба они мне кажутся необходимыми как элементы любви. Я считаю, что сложность не только в том, чтобы перейти от уважения к женщине к смелости влюбленного или соединить доверие дружбы и ухищрения соблазнения, а также и в том, чтобы перейти от отношения, защищаемого этикой, к владению «любимым объектом», как того хочет любовь, к той власти, к которой любовь не может не стремиться, которая обращается с любимым человеком как с предметом и которая содержит самую жестокую ревность. Я считаю, что их двойное требование и сложность одновременного осуществления является составной частью того исключительно глубокого волнения, которое называется страстью. Предполагаю, что некоторые люди, рожденные для счастливой любви, как Моцарт для музыки, не испытывают никаких трудностей в соединении того, что другим с трудом удастся собрать».

По словам Хесса, это понятие момента точно определяет человеческое и его внесение во временность. Вклад Лефевра в теорию присутствия расширяют его многочисленные последующие работы как, например, «Присутствие и отсутствие» или «Что значит мыслить?»

Автобиография философа

«Сумма и остаток» представляет автобиографию как форму философской работы. Довольно интересно посмотреть, как сам Лефевр размышляет в своей книге об автобиографии: «Автобиография, написанная со всей основательностью, – не как защитительная речь в пользу приемов доказательства невиновности, использующихся современниками, или для будущих поколений – предполагает исследование, тон, стиль и почти целый словарь. Она должна бесстрастно вдаваться в любую подробность, какой бы банальной или неприятной она ни была. Тот, кто рассказывает о своей жизни, кто берет на себя такое невыносимое обязательство и утверждает, что сделает его выполнимым, кто хочет, чтобы это повествование имело смысл, должен опуститься в самые глубины, которые психолог тщетно пытается достичь. Он должен избегать грубых капканов, ибо даже их топорность и осведомленность о них не очень помогают в том, чтобы их обойти: обесценить себя или восторгаться собой, придавать большой смысл незначительному и наоборот. Пытаясь ухватить универсальное через исключительную частность, он должен знать, что без приближения эту правду постичь труднее, чем любую другую. Он не может не тематизироваться. Между значимыми анекдотами (но кто может знать, что значимо, а что – нет? Может, автобиографии стоит оставить возможному читателю в качестве труда для выделения смысла?) он не может не вставить фрагменты более широкой действительности: портреты, описания.

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 24. Анри Лефевр (1905–1991)

Автобиография, став литературным жанром, подвергается опасности, которая подстерегает всю литературу: смешивать нынешнее сознание с ситуациями, когда-то пережитыми в сомнениях, проецировать на выполнение сознание выполненного, пройденного, с тех пор усвоенное и приобретенное. В автобиографии, как в романтическом повествовании или хронике, взаимодействуют и перекрещиваются многочисленные времена и многочисленные сознания: время прожитого и время знания, время сомнения и время уверенности, время рассказанного, рассказчика и читателя. Как направить их отношения и конфликты к взаимному оплодотворению?

Автобиография становится искусством, хотя им она не должна бы быть. Выявить решающие моменты в индивидуальной биографии так же сложно, как и определить их в истории народа, общества, цивилизации. И вот результат: судьба. А момент решения? И вообще, было ли это решением или решающим моментом, выбором или отказом от него, свободой или отчуждением?

Анализируя такой момент, обнаруживаешь зерно того, что последующие времена должны были развить; но зерна могут умереть; и пусть они гибнут! Углубление анализа заставляет вернуться в предыдущий момент, когда обнаруживаешь то же самое зерно, более слабое, более развитое, смешанное со многими другими, где располагается истинное рождение? Почему это семя развилось, тогда как другие дали себя задушить?

Когда человек встречает то, что искал, он говорит, что постиг здравый смысл, причины и следствия, последовательность в пространстве перемены: детерминизм. Он не ошибается. Он усвоил нечто, семенной мотив, как говорили некоторые старые философы. Но детерминизм никогда не обходится своими средствами. Необходимость никогда не является достаточной. Она отсылает к другой вещи: дальше, глубже – а также в последовательности ближе. Она отсылает ко всей истории, которую невозможно написать, ибо она не имеет воспринимаемых границ; в этой истории вторичные или производные причины, с виду неосновные, в определенный «момент» смогли стать основными; в этой истории незамеченные противоречия смогли направить ее на замеченные проблемы и противоречия, поменять или изменить на противоположный их смысл и их эффективность».

Выводы

В заключение Реми Хесс отмечает, что эта книга-итог была важным этапом, почти расколом в творчестве Лефевра. «Это переход от гусеницы к бабочке», как сказал Эдгар Морен. Хотя ее можно рассматривать как самый значительный труд философа, тем не менее странно, что она является практически единственной из его 60 книг, которая так и не была переведена. Действительно, Лефевр был переведен на четыре десятка языков. Лишь «Сумма и остаток» остается труднопереводимой как из-за своего объема, так и из-за стиля, порой очень поэтического, пишет Хесс.